

Сказочная повесть, таким образом, представляет качественно новый этап в развитии исторического повествования: ее задача не в исторически точном воспроизведении хода действительных событий, а в создании драматически напряженного рассказа о героическом прошлом казачества. Характерно, однако, что автор, знакомый, несомненно, с гораздо более значительным периодом в этом прошлом — с событиями походов Степана Разина, предпочел совершенно не упоминать о них прямо, а воспоминания об этих походах, и то лишь первого периода, скрыть под видом уже утратившей свою остроту азовской эпопеи.

Было ли это сознательным уходом от острой политической темы автора, испуганного размахом народного движения, или вынужденной уступкой тому правительственному запрещению, которое и в устном творчестве пыталось заглушить воспоминания об „атаманушке батюшке Степане Тимофеевиче“, — сказать трудно.

4

После крестьянской войны начала XVII века значительный рост роли в общественно-политической жизни Московского государства демократического лагеря, противостоявшего феодальной реакции, способствовал созданию новой демократической интеллигенции, которая приняла деятельное участие в развитии литературы. Приобщаясь к книжной культуре, эта новая писательская среда сохраняла и все навыки особенно близкой ей многовековой устно-поэтической традиции. Новый автор, как и его читатель, энергично заявлял права на литературное применение живого языка, на смелое сближение с устным творчеством народа.

К середине XVII века, как известно, литературная практика этой демократической интеллигенции привела к созданию целого своеобразного направления — острой социально насыщенной сатиры. В начале XVII века историческая тема как непосредственный отклик на бурные события оказалась в центре внимания новой писательской среды. К сожалению, до нас дошли лишь наименее яркие образцы этой демократической исторической литературы, не дающие о ней полного представления. Но несомненно, что само появление литературных произведений, широко отзывавшихся на историческую действительность, оценивавших ее с точки зрения интересов трудового народа и выражавших эти оценки в доступной народу художественной форме, — не могло пройти бесследно и для литературных навыков враждебного лагеря. Вот почему и у авторов, прямо заявлявших свое осуждение восставшему народу, связь с фольклором обнаруживается иногда в более отчетливой, чем в предшествующем периоде, хотя и внешней только форме.

Демократическая историческая литература берет в XVII веке из родственного ей фольклора не то, что привлекало к нему писателя раннего средневековья. Как и новая историческая устная песня, литература избегает эпической идеализации и связанного с ней гиперболизма; она идет по пути создания реалистического, хотя и опoэтизированного рассказа о современной исторической действительности. Так, автор Поэтической повести об азовском осадном сидении 1642 года допустил в своем публицистическом изложении песенную поэтизацию бесстрашного донского вольного казачества, показав его только с положительной стороны; любовно лирически описал природу донских степей и своего кормильца — „государя тихого Дона Ивановича“,